

II. ОБ ЭПИГРАММЕ ПУШКИНА «ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!»

Адресат эпиграммы Пушкина «Жив, жив курилка!» был раскрыт самим поэтом. Посылая эпиграмму брату в первой половине мая 1825 г., Пушкин писал: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского» (XIII, 174).

Истолкование повода для эпиграммы впервые дал в 1880 г. П. А. Ефремов в комментариях к изданию сочинений Пушкина. Ефремов связывал эпиграмму со статьями Мих. Дмитриева о предисловии П. А. Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», появившимися в журнале Каченовского «Вестник Европы» в 1824 г.¹ Это толкование вслед за Ефремовым повторялось комментаторами сочинений Пушкина до последнего времени.

Однако повод для создания эпиграммы был иной.

В февральском номере «Вестника Европы» 1825 г., за подписью «Юст Веридиков», был напечатан ряд отдельных высказываний полемического характера, объединенных под общим названием «Мысли и замечания». Среди этих высказываний были и следующие, содержавшие нападки на Пушкина:

«Сколько смешны ненавистники словесности, столько забавны мнимые обожатели ее. „В о т д а р о в а н и я , в о т у с п е х и !“ кричат поклонники рифм и стихотворных безделок и затягивают на разлад ш а л ь н у ю кантату. Между тем как люди благонамеренные трудятся во всю жизнь свою, собирают истины, как пчелы мед, жертвуют мудрости благами жизни вещественной, мнимые уставщики вкуса даже не ведают и не осведомляются, есть ли такие люди на свете: они ищут случая повергнуть венок свой к стопам рифмача или томного воздыхателя.

*

Истинный литератор не решится издать в свет сочинения, из которого ничего больше не узнаете, кроме того, что некто был взят в плен; что к а к а я - т о молодая девушка влюбилась в пленника, который не мог полюбить ее взаимно, у т р а т и в ж и з н и с л а д о с т р а с т ь е , и наконец, что та же девушка освободила его и сама утопилась. — Стихи, которые с таким жаром называют м у з ы к о ю , для потомства и даже для современников не значат почти ничего; а истина, которую писатели ученые представляют в лучезарном свете, была и будет спасительна для рода человеческого.

*

Весьма ошибаются, кои думают, будто бы можно заниматься словесностию, не имевши ни правильного образа мыслей, ни привычки упражняться в науках. Поле словесности было бы похоже на кладбище, если бы мелькали на нем одни сверкающие метеоры»².

В первом из приведенных отрывков «шальюю кантатою» названа «Черная шаль» Пушкина. Впервые напечатанная в 1821 г. с подзаголовком «Молдавская песня», «Черная шаль» была положена на музыку А. Н. Верстовским и исполнялась в 1823 г. под названием «кантаты» на московской сцене. В словах же о «мнимых обожателях» словесности, повидимому, имелся в виду Н. А. Полевой, который как раз незадолго до появления «Мыслей и замечаний» Юста Веридикова в подстрочном примечании к своей статье «Обозрение русской литературы в 1824 году» писал: «Песни Пушкина сделались народными: в деревнях поют его Черную шаль. А. Н. Верстовский с большим искусством сделал на сию песню музыку, и донныне жители Москвы не наслушаются очаровательных звуков, вполне выражающих силу стихов Пушкина»³.

Во втором отрывке совершенно очевидно речь шла о «Кавказском пленнике», в третьем—Пушкин подразумевался под «сверкающими метеорами» словесности.

Нападение Юста Веридикова на «Черную шаль» было не первым на страницах «Вестника Европы». Еще в начале 1824 г. об этом стихотворении высказал свое мнение критик «Вестника Европы», скрывшийся за подписью Н. Д. Считая «Черную шаль» лишь «красивой безделкой», он писал: «В песне г-на Пушкина представляется нам к а к о й - т о молдаванин, убивший к а к о ю - т о любимую им красавицу, которую соблазнил к а к о й - т о армянин. Достоин ли это того, чтобы искусный композитор изыскивал средства потрясать сердца слушателей, чтобы для песни тратил сокровища музыки?»⁴.

Совершенно явно стилистическое сходство этого отзыва с пародийным изложением содержания «Кавказского пленника» в «Мыслях и замечаниях», где эта пародия занимает центральное место. На фоне благоприятных статей, посвященных «Кавказскому пленнику», в этих новых нападках на поэта можно было усмотреть возобновление той резкой критики, какою встретил «Вестник Европы» появление «Руслана и Людмилы».

На отзыв о «Кавказском пленнике» Юста Веридикова обратил внимание П. А. Плетнев, сообщивший 3 марта 1825 г. Пушкину в Михайловское: «Не знаю, отчего журналисты тебе не присылают своих непотребностей. Верно ждут от тебя послания. Каченовский всё хлопочет о „Кавказском пленнике“, а его, бедного, уж нет и в лавках» (XIII, 148).

Затем из «Прибавления» к № 5 «Московского телеграфа» за 1825 г. Пушкин мог узнать, что в «Вестнике Европы» «Г-н Юст <...> вдруг ни с того, ни с сего атакует и „Кавказского пленника“, и кантату, и всех молдаван и черкесов» (стр. 84. Ценз. разр. номера — 26 февраля 1825 г.).

Желая узнать, в чем заключалось выступление против него Каченовского, его давнишнего литературного врага, Пушкин спрашивал брата 14 марта 1825 г.: «Каченовский восстал на меня. Напиши мне, благопристойен ли тон его критик — если нет — пришлю эпиграмму» (XIII, 152)⁵.

Анонимные или подписанные псевдонимом статьи «Вестника Европы» современниками обычно приписывались Каченовскому. Поэтому Плетнев и Пушкин считали его автором «Мыслей и замечаний», подписанных: Юст Веридиков⁶.

Ответного письма Л. С. Пушкина не сохранилось. Между тем, в письме к брату от первой половины мая 1825 г., Пушкин послал текст эпиграммы, прибавив при этом: «Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского».

Таким образом, непосредственной причиной для эпиграммы «Жив, жив курилка!» явились «Мысли и замечания» Юста Веридикова в «Вестнике Европы».

О. Билинкис

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ П у ш к и н. Сочинения. Под ред. П. А. Ефремова, т. II. СПб., 1880, стр. 407.

² «Вестник Европы», 1825, № 3, стр. 227—228.

³ «Московский телеграф», 1825, № 1, стр. 86.— Статья без подписи. Авторство Н. А. Полевого устанавливается его собственным свидетельством («Особенное прибавление» к № 13 «Московского телеграфа» за 1825 г., стр. 34).

⁴ «Вестник Европы», 1824, № 1, стр. 70—71.

⁵ Комментируя эти слова Пушкина, Б. Л. Модзалевский причиной их считает напечатанную в № 17 «Вестника Европы» 1825 г. статью Рожалина «Нечто о споре по поводу Онегина» (П у ш к и н. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I. М.—Л., 1926, стр. 410). Так же эта фраза прокомментирована в издании: П у ш к и н. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. X, М.—Л., 1949, стр. 676. Подобное утверждение опровергается тем, что письмо написано в марте 1825 г., а статья Рожалина вышла в сентябре.

⁶ С. И. Пономарев в статье «Материалы для словаря псевдонимов» («Русский календарь А. Суворина на 1881 г», стр. 294) указал, что Юст Веридиков является псевдонимом Мих. Дмитриева. Однако никаких положительных доводов он не привел.